

Оглавление

От издателя.....	7
Основные действующие лица.....	9
Апология посредственности. Предисловие к русскому изданию.....	21
Предисловие	27

часть I

<i>глава 1. Пешеходная аллея.....</i>	<i>35</i>
<i>глава 2. Горящая платформа</i>	<i>47</i>
<i>глава 3. Человек-снаряд.....</i>	<i>63</i>
<i>глава 4. Стратегия мира</i>	<i>87</i>
<i>глава 5. После конференции в «Уай».....</i>	<i>107</i>
<i>глава 6. Арафат.....</i>	<i>121</i>

часть II

<i>глава 7. Буря собирается</i>	<i>133</i>
<i>глава 8. «Они приближаются».....</i>	<i>169</i>
<i>глава 9. 11 сентября.....</i>	<i>201</i>

глава 10. «Мы ведем войну».....	217
глава 11. Упущенные возможности.....	233
глава 12. Прорыв в прибежище террористов.....	249
глава 13. «Матрица угрозы».....	271
глава 14. Они хотят изменить ход истории.....	303
глава 15. Торговец смертью и полковник	325
часть III	
глава 16. Casus belli.....	345
глава 17. «Единственный вопрос, по которому все могли прийти к согласию».....	365
глава 18. Без власти, управления и руководства	385
глава 19. Пара слов о баскетболе	405
глава 20. На суд общественности	415
глава 21. Дипломатия иными средствами	431
глава 22. Охота на ОМП.....	447
глава 23. Миссия не завершена	463
глава 24. Шестнадцать слов	497
глава 25. Уход.....	527
Послесловие	539
Глоссарий.....	559
Слова благодарности	566
Указатель	572

От издателя

Разведка США — довольно сложный и многопрофильный институт. Разведывательной деятельностью в той или иной форме в США занимается множество различных ведомств — Центральное разведывательное управление и Разведывательное управление министерства обороны США, Федеральное бюро расследований и Агентство национальной безопасности, армейская разведка, разведка разных родов войск и космическая разведка (Национальное агентство графических и картографических работ), разведка департамента (министерства) энергетики — и это далеко не полный перечень.

До реформ разведки 2004–2005 года (о них сам Тенет в послесловии отзывается с изрядной долей скепсиса) координировал работу всех этих агентств созданный в 1947 году по указу президента Трумена специальный надведомственный орган — Central Intelligence, глава которого одновременно являлся директором ЦРУ и советником президента США по разведке. В России название этого органа переводят по-разному. Мы решили придерживаться одного из самых распространенных названий — Национальное Разведывательное сообщество. С нашей точки зрения другой распространенный вариант перевода — Центральная разведка — может ввести читателей в заблуждение, ибо Central Intelligence разведкой не занимается, а пост директора НРО не давал директору ЦРУ управленческих полномочий по отношению к другим организациям, ведущим разведывательную деятельность. В 2005 году должность

директора НРО была ликвидирована в связи с созданием должности директора национальной разведки, возглавляет которую директор национальной разведки.

В книге мы в основном будем использовать «табель о рангах», принятую в ЦРУ, ибо речь идет в основном о работе именно Управления, более того, большинство постов в директорате НРО (в частности, помощники директора и первый заместитель) традиционно занимали люди, назначенные на аналогичные должности в ЦРУ. Когда же речь пойдет о постах, функциях или деятельности НРО как координирующего и связующего органа, мы будем употреблять термины «Национальное Разведывательное сообщество» и «директор НРО». Если же речь пойдет о разведке США в целом, как о совокупности профессионалов, мы будем использовать авторский термин «разведывательное сообщество» (без заглавных букв).

Апология посредственности. Предисловие к русскому изданию

Воспоминания главы любой разведки, особенно когда речь идет о главной, по сути, спецслужбе планеты, как правило, вызывают два чувства. Сначала — жгучее любопытство, поскольку от столь информированной и влиятельной персоны всегда ждут откровений, приоткрывающих завесу секретности над приводными ремнями мироздания. Потом, после прочтения, — разочарование, ибо ничего подобного там обычно не содержится. Авторы с различной степенью красочности (в зависимости от таланта рассказчика) повествуют о рутинной работе. В лучшем случае они добавляют некоторые любопытные детали к уже известным фактам и обстоятельствам.

Мемуары Джорджа Тенета едва ли отличались бы от подобной схемы, если бы не бесспорная судьбоносность событий, которые описывает бывший директор ЦРУ. Ему довелось возглавлять Центральное разведывательное управление США в эпоху, которая стала переломным моментом не только для Америки, но и для всего мира.

Террористическая атака на Нью-Йорк и Вашингтон 11 сентября 2001 года возвестила начало новой эры, когда была перечеркнута иллюзия всеобщей безопасности, возникшая после мирного и триумфального для Запада окончания холодной войны. Закончился уникальный и исполненный надежд период, начало которому положило падение Берлинской стены в ноябре 1989 года.

Разрушение Всемирного торгового центра и Пентагона называли самым сильным потрясением для Соединенных Штатов со времен Перл-Харбора. На самом деле эффект был намного более мощным. В отличие от 1941 года американцы не могли четко идентифицировать врага, который находился везде и нигде конкретно. И, наверное, впервые в истории меры по обеспечению национальной безопасности одной, пусть и сверхмогущественной державы, носили глобальный, всеобъемлющий характер. По сути, был поставлен вопрос о необходимости переустроить мир таким образом, чтобы он не мог больше представлять угрозу для США.

Вторжение в Ирак, второе историческое событие, пришедшееся на время директорства Тенета в ЦРУ, стало логическим продолжением этого курса. Саддам Хусейн не имел отношения ни к организации терактов 11 сентября, ни (на момент войны) к производству оружия массового поражения. Но по многим причинам он олицетворял ту потенциальную угрозу, на искоренение которой и была нацелена вся военно-политическая машина Соединенных Штатов после разрушительных терактов.

Джорджа Тенета уволили в 2004 году после обнародования доклада независимой комиссии, которая изучала причины трагедии сентября 2001 года. Фактически его назначили «крайним» за провалы, предшествовавшие террористическим атакам и последовавшие за ними. И, конечно, мемуары — это прежде всего попытка объяснить причины тех или иных событий и действий и оправдаться за то, в чем экс-директор ЦРУ не чувствует своей вины.

Справедливости ради надо сказать, что Джордж Тенет не снимает ответственности с себя и своего ведомства, неоднократно повторяя: многое нужно было делать иначе, проявлять большую настойчивость и принципиальность, глубже анализировать информацию, наконец, просто быстрее принимать меры. При этом общий настрой автора очевиден: ЦРУ действовало так, как позволяли политические и бюрократические обстоятельства, и работало

не хуже (а, безусловно, лучше), чем остальные элементы государственной и политической машины.

В подробном описании того, как в кризисной ситуации функционирует эта самая машина, заключается, наверное, главное достоинство книги Джорджа Тенета. Становится понятно, отчего грандиозная цель глобального переустройства, которую Вашингтон поставил после шока 11 сентября, не только не была достигнута, но и привела к ослаблению позиций США в мире. При всей своей мощи Америка, прежде всего ее политический класс, оказалась не готова к попытке взять такого рода «неподъемный вес». Своими просчетами администрация Джорджа Буша значительно растратила огромный лидерский потенциал, которым Вашингтон обладал в прошлом десятилетии. Впрочем, автор воспоминаний сомневается и в том, что Соединенные Штаты реально способны на доминирование при Билле Клинтоне.

Так, Тенет утверждает, что «в середине и конце 90-х годов XX века американская разведка стояла на грани банкротства, и ни законодательная, ни исполнительная власть почти ничего не сделали для предотвращения этого банкротства». В результате, когда начали стучаться тучи международного терроризма, к ЦРУ стали предъявлять политические требования, которые оно просто не могло выполнить. Тенет убедительно описывает атмосферу конца 1990-х — начала 2000-х годов, когда отовсюду валом поступали сигналы о подготовке терактов, и спецслужбы буквально впадали в отчаяние из-за невозможности серьезно проверять поступающую информацию — не хватало ни кадров, ни денег, ни технической оснащенности, ни координации между отдельными ведомствами.

При этом Джордж Тенет оспаривает обвинения в том, что ЦРУ не предвидело событий сентября 2001 года. Согласно его версии, сотрудники ведомства достаточно точно вычислили и сценарий, и даже время возможной атаки. Предотвратить же ее помешала, среди прочего, и несогласованность действий. Автор напоминает, например, историю несостоявшегося террориста Закариаса Муссауи, который был арестован ФБР незадолго до атак, но по бюрократическим причинам в тот момент так и не был взят в серьезную разработку.

Наиболее интересен раздел книги, посвященный началу иракской кампании и роли в этом ЦРУ. Со страниц мемуаров Тенета встает поразительная и пугающая картина того, как идеологическая предубежденность узкого круга лиц ввергла нацию в войну, долгосрочные последствия которой для мира

еще только предстоит осознать. «Один из старших аналитиков ЦРУ впоследствии сказал мне, — пишет Тенет. — Сложилось впечатление, что вопрос о том “надо ли США вступать в войну” уже решен на заседаниях, в которых мы не участвовали. Нас просто пригласили обсуждать вопросы “как” и, в частности, вопрос о том, “как объяснить войну общественности”».

Автор подробно описывает механизм того, как на аналитиков и экспертов давил исходивший сверху «запрос» на подтверждение собственных гипотез. Уверенность в виновности Саддама Хусейна, царившая в окружении президента, влияла на скептиков и толкала их к более расплывчатым, двойственным формулировкам. А нечеткость оценок позволяла затем политикам использовать заключения специалистов как довод в пользу войны.

Феномен провала ЦРУ в вопросе иракского оружия массового поражения точно охарактеризовал спустя несколько лет шведский дипломат Ханс Бликс. Он возглавлял Комиссию ООН по наблюдению, контролю и инспекциям, которой в 2002–2003 годах пришлось проверять утверждения американской разведки, будто Саддам Хусейн продолжает разработку оружия массового поражения. Комиссия не подтвердила эти данные и стала объектом резкой критики со стороны Белого дома чуть ли не как «пособники Саддама».

«Сотрудники разведки — государственные служащие, — говорил Бликс, — и они знали, к какому выводу склоняется руководство государства. Вместо того чтобы предоставлять объективную информацию, они, по сути, искали подтверждений мнения правительства».

При этом Тенет оговаривается: большинство тех, с кем он общался, действительно верили, что Саддам разрабатывает оружие массового поражения. По признанию автора мемуаров, они и предположить не могли, что вменяемый политик может пойти на подобный невероятно опасный блеф, рискуя не только властью, но и собственной жизнью.

ЦРУ усвоило уроки событий, предшествовавших второй войне в Заливе. Свидетельством тому — Оценка национальной разведки от декабря 2007 года, в которой утверждалось, что Иран прекратил свою военную ядерную программу в 2003 году. Многие полагают, что ее целью было не допустить повторения ситуации пятилетней давности. Тогда, и это подробно описывает Тенет, разведке было поручено в кратчайшие сроки (три недели вместо обычных

6–8 месяцев) подготовить Оценку ядерных амбиций Ирака. И именно этот документ, содержащий, по признанию экс-главы ЦРУ, немало ошибок и заблуждений, стал обоснованием боевых действий. Затем его же поставили управлению в вину. В случае с Ираном разведчики решили заблаговременно отмежеваться от части администрации, которая была готова нанести удары и по этой стране.

Политическая ангажированность одних, непрофессионализм других, конформизм и недостаточная принципиальность третьих — все это привело Америку к войне, конца которой не видно. Политическая элита США оказалась попросту не способна на реализацию той грандиозной миссии, которую она на себя взвалила. И грядущая смена власти в Белом доме, кто бы ни стал следующим президентом Соединенных Штатов, не обещает перемен: любому ответственному аналитику понятно, что уход из Ирака повлечет за собой катастрофические последствия для региона и престижа Америки в мире.

Книга Джорджа Тенета — выразительный портрет американской власти в переломную эпоху. Власти, к которой он сам принадлежал и которую, в целом, не склонен осуждать так уж резко. Скорее он призывает отнестись к ней с пониманием и снисхождением, указывая на экстраординарные обстоятельства. Вне зависимости от того, насколько пристрастен автор, описывающий собственные заслуги и неудачи, его воспоминания — замечательное зеркало своего времени, проливающее свет на атмосферу, царившую в руководстве единственной сверхдержавы.

Россия не присутствует в контексте глобальной политики, который описывает экс-глава ЦРУ, если, конечно, не считать пары курьезных и довольно издевательских историй (например, о застолье в Грузии и о переговорах с главой ФСБ Николаем Ковалевым).

Перечисляя «немногие нации», которые еще до 11 сентября 2001 года столкнулись с терроризмом, Тенет упоминает Узбекистан (особый интерес автора к этой стране, кстати, вообще бросается в глаза) и ряд исламских государств, но не вспоминает о России. Моральная поддержка Москвы, ее содействие Вашингтону, например, — в Центральной Азии и Афганистане, не упоминаются вовсе. Говоря о попытках наладить взаимодействие с Россией в области нераспространения оружия массового поражения, Тенет приходит

к выводу: «В конечном счете сотрудничество с российской разведкой осталось игрой шпионов против шпионов».

Эти утверждения можно оставить на совести автора, однако само отношение весьма характерно. Из книги Тенета следует, что никакого широко разрекламированного серьезного взаимодействия в рамках контртеррористической коалиции не было. Во всяком случае, Америка не считала и не считает, что Россия внесла какой-то существенный вклад в решение проблем, с которыми США столкнулись в начале XXI века. Что явно противоречит российскому представлению, что роль Москвы после 11 сентября была очень важной, а Вашингтон потом отплатил черной неблагодарностью. Тенет, наверняка, не желая того, в очередной раз демонстрирует, сколь глубокая пропасть в восприятии происходящего пролегает между Россией и Соединенными Штатами.

Для отечественного читателя книга Тенета, безусловно, интересна тем, что дает представление о механизмах американской политики, которую у нас принято демонизировать. Воспоминания Джорджа Тенета разочаруют тех из наших сограждан, кто склонен усматривать в действиях США далеко идущие замыслы и дьявольские интриги. Скорее мы имеем дело с обычными людьми, не вполне соответствующими масштабу ответственности и мощи, который предусматривает статус единственной сверхдержавы.

*Федор Лукьянов,
главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»,
член президиума Совета по внешней и оборонной политике*

Предисловие

Рассвет среды 12 сентября 2001 года стал началом первых суток мира, погрузившегося в безумие. Отныне ничто не будет таким, как прежде. Ранним утром того дня я, начиная работать после нескольких часов сна, шел к передней двери бронированного автомобиля *Ford Expedition*, поджидавшего меня для того, чтобы доставить на встречу с президентом США.

Внешняя охрана моего дома в мэрилендском предместье Вашингтона была ужесточена как никогда прежде. Прибыв в Белый дом, я увидел, что с головы до пят увешанные оружием сотрудники секретной службы расставлены через каждые несколько футов. Над головой были отчетливо видны истребители, патрулировавшие небо над столицей США. Не прошло и 24 часов с того момента, как Америка подверглась нападению внешнего врага, не имевшего государственности. В Нью-Йорке, в Пентагоне и на одном из полей в Пенсильвании погибли тысячи людей. Мы в ЦРУ имели веские основания полагать, что в последующие часы или дни могут случиться новые атаки и что события 11 сентября были всего лишь первыми залпами нападения на американский материк, нападения по нескольким направлениям.

Пока я шел под матерчатым навесом, ведущим к западному крылу Белого дома, то обдумывал все это. Тут я увидел Ричарда Перла, который выходил из здания, в которое я собирался войти. Перл был одним из крестных отцов неоконсервативного направления в политике и в то время возглавлял Совет министерства обороны — независимую консультативную группу при министре обороны. Мое знакомство с Перлом было, что называется, шапочным, мимо-летным. Когда за ним закрылись двери Белого дома, мы встретились с Перлом взглядами и кивнули друг другу. Едва я подошел к дверям, как Перл повернулся ко мне и сказал: «Ираку придется заплатить за то, что случилось вчера. Ответственность за произошедшее лежит на иракцах».

Я был поражен, но ничего не сказал. 18 часами ранее я проверял списки пассажиров четырех захваченных самолетов. Результаты этой проверки определенно показывали, что организатором терактов была Аль-Каида. В течение последующих месяцев и лет мы будем тщательно изучать возможности сопричастности каких-либо государств к терактам 11 сентября. Однако и тогда, и впоследствии разведывательные данные не давали никаких доказательств причастности Ирака к этим терактам.

На устроенном секретной службой пункте проверки я оглянулся на Перла и подумал: «О чем это, черт возьми, он говорит?» Через мгновение мне пришла в голову другая мысль: «С кем Ричард Перл встречался в Белом доме столь ранним утром и именно сегодня?» На этот вопрос я так никогда и не получил ответа.

К лучшему или худшему, ставшие близнецами темы терроризма и Ирака определили содержание моей семилетней работы в качестве главы американской разведки. К моменту ухода с этого поста в июле 2004 года эти темы, кажется, затмили собой всю остальную работу, сделанную американской разведкой, и все прочие вопросы, с которыми мне пришлось столкнуться в течение пребывания на посту директора центральной разведки. Хотя в тот момент я не понимал значения краткой встречи с Ричардом Перлом, впоследствии я стал думать об этом моменте как о том миге, когда две главные темы моей профессиональной жизни впервые пересеклись.

Когда я, сын иммигрантов — выходцев из рабочего класса, рос в нью-йоркском районе Квинс, мне и в голову не приходило, что когда-нибудь я окажусь в таком положении. Я стремился сделать карьеру правительствен-

ного служащего, но никогда даже на минуту не думал о жизни в тайном мире разведки. Однако каким-то образом, в результате ряда неожиданных крутых поворотов карьеры, я оказался в дебрях зазеркалья.

Карьера разведчика в равной мере захватывает и разочаровывает, ибо, по определению, разведка имеет дело с неясным, неизвестным и нарочно сокрытым. То, что так старательно скрывают враги США, старательно раскрывают люди, работающие в американской разведке. На протяжении всей моей работы в этой должности, следуя моральному духу разведки, я старался держаться скромно, так, чтобы на фоне общественности меня особенно не было видно или слышно.

Когда я покинул правительство, я почувствовал необходимость взять тайм-аут, чтобы подумать перед тем, как написать или сказать что-либо. Воспользовавшись преимуществами свободного времени и взгляда со стороны, я пришел к убеждению, что обязан поделиться с общественностью кое-чем из того, что мне довелось узнать за годы, проведенные на посту руководителя американской разведки. Я считаю, что должен моей семье, должен моим бывшим коллегам, должен истории — должен рассказать то, что я могу рассказать о событиях, свидетелем которых я стал.

Эти мемуары основаны на моих воспоминаниях о бурном периоде жизни Америки. Подобные начинания не приводят к абсолютной объективности, но мои воспоминания настолько честны и неприкрашены, насколько я смог это сделать. В период моего пребывания на должности директора Национального разведывательного сообщества произошло много событий, которыми я горжусь, и больше чем достаточно событий, которые мне хотелось бы переделать. Там, где я или возглавляемая мною организация совершили ошибки, я рассказываю о совершенных ошибках на страницах этой книги. Читатели не столкнутся с нехваткой подобных признаний. В тех случаях когда я указываю на случаи эффективной работы разведки, я надеюсь, что и эти мои утверждения рассмотрят по справедливости. Эта книга показывает вещи так, как они представлялись мне, очутившемуся, в буквальном смысле этих слов, в центре шторма.

Обычно позиция людей по тем или иным вопросам определяется тем, где находятся эти люди. А с той должности, на которой находился я, — я видел, как формируется приливная волна терроризма. И еще я видел малень-

кую группу одиноких, испытывавших нехватку средств воинов, идущих против течения, видел, как члены этой одинокой группы предотвращают, сдерживают, срывают действия и пытаются ликвидировать всемирное движение, действующее почти в 70 странах и стремящееся к разрушению Америки.

Эта книга — рассказ о том, как мы представляли себе угрозу, как мы реагировали на нее, о том, что мы предлагали, но не сделали, о том, как развивалось наше мышление, рассказ о том, почему сотрудники ЦРУ были готовы представить план энергичной реакции на гибель трех тысяч американцев и иностранцев. В то же время это рассказ о том, как мы без единого выстрела способствовали ликвидации оружия массового поражения, которое имелось у страны-изгоя, и как мы предали правосудию самого опасного в истории человека, занимавшегося распространением ядерного оружия. Это воспоминания об усилиях, направленных на создание мостов через исторические различия, разъединяющие израильтян и палестинцев; об усилиях, давших дипломатам шанс искать политическое урегулирование давнего кризиса. Одновременно — это рассказ-предупреждение о все еще сохраняющихся угрозах, по сравнению с которыми теракты 11 сентября 2001 года просто бледнеют.

Люди, занимавшие высокие посты в обеих администрациях, в которых я служил, администрациях Клинтона и Буша, пытались делать то, что считали лучшим для Америки. Результаты их деятельности и методы, которыми они пользовались, можно и нужно обсуждать, но мотивы, которыми они руководствовались, не подлежат обсуждению. Когда речь заходит о действиях правительства США в отношении Ирака, следует признать, что в Вашингтоне мало героев, но множество героев-американцев действует в этой несчастной стране. Впрочем, если говорить о войне с терроризмом, то и в Вашингтоне, и в других местах мира много героев. Та же самая администрация, которая впоследствии сбилась с пути по дороге в Багдад, блистательно действовала, громя Аль-Каиду после событий 11 сентября. ЦРУ с огромной отвагой и невероятной преданностью выполнило большую работу по борьбе с терроризмом. Американцы слишком мало знают об этих героях.

Думаю, что наилучшим образом справился с работой, которую выполнял в правительстве, со всеми ее нагрузками и стрессами. Моей величайшей

радостью было ежедневное взаимодействие с людьми, которые каждый день рисковали собой для того, чтобы защитить свою страну. У меня была возможность послужить родине и попытаться обеспечить ее безопасность в нелегкие времена. Мне не всегда сопутствовал успех, но я утешаюсь мыслью о том, что был на арене и стремился сделать то, что считал правильным. Только в США сыну иммигрантов может представиться такая честь. Я всегда буду хранить благодарность Джону и Евангелии Тенетам, которые покинули свои деревушки в Греции для того, чтобы дать мне этот шанс.

Джордж Тенет

Это казалось эпизодом из шпионского фильма.

На календаре было воскресенье, 16 марта 1997 года. Я наслаждался редким выходным в обстановке домашнего уюта, когда зазвонил телефон. «Встречаемся у канала Чесапик-Огайо, возле *Оулд Энглерз Инн* через час, — едва слышно прошепел голос в трубке. — Приходи один». Больше ничего не было сказано. Звонивший не назваля. Он знал, что я обязательно приду.

Голос принадлежал Энтони Лейку, который двумя месяцами ранее ушел с поста советника по национальной безопасности после назначения его Биллом Клинтонем директором ЦРУ.

В 1992 году, когда Клинтон пришел к власти, Тони включил меня в состав возглавляемого им в то время Совета национальной безопасности (до этого я работал в аппарате Сената, а в течение четырех предшествующих лет был директором аппарата Специального комитета Сената по разведке). За три года пребывания на этом посту у меня сложились теплые личные и профессиональные отношения и с Лейком, и с его заместителем Сэнди Бергером. Тогда, в мае 1995-го, Джон Дейч, которому вскоре предстояло стать директором ЦРУ, осторожно проверял меня, интересуясь, не соглашусь ли я стать его заместителем. Мы познакомились, когда Дейч был заместителем министра обороны, и даже как-то вместе ездили за рубеж по одному деликатному разведывательному делу. Но теперь, спустя всего лишь полтора года пребывания директором ЦРУ, Дейч уходил с этой должности, и на его место прочили моего друга и бывшего начальника Тони Лейка.

Тони обладал всем, что было необходимо для работы на посту директора ЦРУ: умом, проницательностью, доверием президента и сильным характером. Сторонние наблюдатели, видевшие Тони в бытность его советником по национальной безопасности, на основании его внешне спокойной, даже несколько добродушной манеры поведения, считали Тони эдаким прекраснотушным ученым, оказавшемся не на своем месте, мягким и доброжелательным. Однако это было далеко не так. Среди множества людей с гипертрофированным «я» Тони был неоспоримым боссом Совета национальной безопасности (далее СНБ), прекрасным организатором и мастером бюрократических интриг. Он имел возможность близко

наблюдать разрушительную клевету, которая лишила дееспособности администрацию Картера, и прилагал все силы к тому, чтобы предотвратить повторение подобной истории с администрацией Билла Клинтона. У Тони не было ни малейшего желания быть заметной фигурой (что в Вашингтоне редкость), и в общении с подчиненными он постоянно подчеркивал, что мы либо преуспеем, либо потерпим неудачу, но вместе, как команда. Никто из нас, как он любил повторять, не избран на должность, которую занимает.

Все эти качества, думал я, делали Энтони Лейка идеальным кандидатом на должность главы ЦРУ. Была у меня и эгоистическая мысль: я знал также, что приход Тони в Лэнгли означает, что я могу оставаться на посту заместителя, на том самом посту, который я научился любить.

Джон Дейч — блистательный, эксцентричный и, по большей части, оставшийся непонятым — умел переводить свой профессиональный и человеческий опыт в политику так, как это могли сделать очень немногие. Общительный человек-«медведь», он хотел пользоваться всеобщим уважением у сотрудников ЦРУ. Но вскоре после прихода Дейча на пост главы ЦРУ, генеральный инспектор ЦРУ издал доклад, в котором критически отозвался о профессионализме некоторых сотрудников управления, работавших в Гватемале в 80-х годах XX века, и Джон со всей решительностью применил дисциплинарные меры к некоторым из названных в этом докладе разведчиков. И это с самого начала омрачило его отношения с сотрудниками, а затем дела пошли еще хуже.

Его падение началось в тот момент, когда он сказал репортеру из *New York Times Magazine*, что не нашел в ЦРУ первоклассных умов. «По сравнению с военными, — цитировала *Times* слова Джона, — они определенно не так компетентны и хуже понимают свою относительную роль и свои обязанности».

ЦРУ — очень эмоциональное ведомство, и после этой публикации шансы Джона завоевать сердца и умы сотрудников были сведены практически к нулю.

Мне известно, что Джон сожалел о своих откровениях. Это был ценный урок, которым я успешно воспользовался позднее: надо завоевать доверие подчиненных, помалкивать, быть оптимистом и, как я всегда говорил, руководить, исходя из предположения о том, что «стакан наполовину полон».

Бурное руководство Джона закончилось в декабре 1996 года, когда он внезапно подал в отставку с поста директора ЦРУ. В политических кругах Вашингтона считали, что в действительности Джон хотел быть министром обороны, и когда стало ясно, что этой должности ему не видать, он предпочел вообще уйти из правительства. Но какова бы ни была подлинная причина ухода Дейча из ЦРУ, в результате я стал исполняющим обязанности директора этого ведомства.

Я надеялся, что очень недолго буду совмещать две должности — только до тех пор, пока не утвердят Лейка. Но прошло уже четыре месяца, а его назначение все еще блокировали в Сенате. Я догадывался, что именно эта задержка с назначением стоит за просьбой Тони о встрече, но не представлял, почему он настаивал на столь необычном месте. Особенно меня озадачили его указания прийти одному. Он знал, что заместитель директора ЦРУ никуда не ходит в одиночку.

С тех пор, как я начал там работать, меня повсюду сопровождал хорошо вооруженный наряд охраны. Куда бы я ни направлялся, меня довозил до места огромный черный бронированный джип, за которым следовал второй автомобиль, набитый парнями с автоматами. Угрозы террористов и психопатов в адрес высших чиновников ЦРУ были весьма реальными. За те четыре месяца, что я исполнял обязанности директора ЦРУ, требования по безопасности стали еще жестче.

Тем не менее я постарался пойти навстречу просьбе Тони и соблюсти предосторожности. Я позвонил начальнику охраны Дэну О'Коннору и сказал, что мне с ним надо отправиться в небольшую поездку вдвоем. Дэн, известный в ЦРУ как «Док» благодаря инициалам — большой добродушный нью-йоркский ирландец. Он, не колеблясь, принял бы пулю, чтоб спасти мою жизнь, но идея рискованного выезда без подстраховки была ему ненавистна: его долг состоял в минимизации, а не максимизации моих рисков. Тем не менее он скрепя сердце подъехал к моему дому, и вдвоем мы отправились на юг к реке Потомак.

Мы заехали на покрытую гравием парковку напротив *Оулд Энглерз Инн*. Вместе с Доком, следовавшим за мной на деликатном расстоянии, я напра-

вился по грязной дорожке к каналу, построенному полтора века назад для облегчения доставки угля с запада для обогрева домов Вашингтона.

Хотя была всего середина марта, парковка и пешеходная дорожка были переполнены гуляющими, велосипедистами, бегунами, спортсменами-ходоками, пробирающимися по скалистой Козьей тропе. Внизу под склоном байдарочники рассекали пенящиеся воды Потомака неподалеку от того места, где они низвергаются из Грейт Фоллс.

Помню туман, застывший в тот день над каналом. Ожидавший меня Тони был одет в обыкновенную ветровку и кроссовки. Если кто выделялся из толпы, так это я — в брюках от костюма и хорошей сорочке, которую я надел в то утро в церковь. Я даже не подумал о том, чтоб переодеться. Мы пожали руки, и Тони сказал: «Давай пройдемся». Нам доводилось переживать трудные времена и прежде, но в тот день он имел такой суровый вид, какого я никогда не видел. Примерно через полмили мы сели на скамейку, с которой открывался вид на канал.

«Я хочу, чтоб ты знал: завтра я собираюсь сказать президенту, что отзываю свою кандидатуру с рассмотрения на пост директора ЦРУ, — произнес он сдержанным, ровным голосом. — Это слишком сложно. Они хотят слишком много. Оно того не стоит».

Ему не надо было объяснять мне, кто такие «они». Тони долго работал в Вашингтоне. Он играл в нешуточные игры с лучшими из «них». Теперь он оказался у «них» на прицеле, и некоторые сенаторы намеревались осложнить процесс его утверждения в должности настолько, насколько это было возможно. Сразу же после того, как Тони был представлен на должность, мне популярно объяснили, насколько.

Я выступал с кратким докладом на Капитолийском холме перед Специальным комитетом Сената по разведке, утверждавшего руководителей разведслужб. После заседания меня отвел в сторону Ричард К. Шелби, республиканец от Алабамы, который должен был стать председателем этой Комиссии. «Джордж, — начал он, манерно растягивая слова, — если у тебя есть какой-то компромат на Тони Лейка, я, разумеется, хотел бы его получить». Эта наглое замечание лишило меня дара речи, что, надо сказать, случается со мной редко. «Неужто этот парень не знает, что Тони — мой

друг и бывший начальник? — подумал я. — С чего он решил, что я могу пойти на нечто подобное?»

Но, по всей видимости, нашлись люди, не разделявшие мое отвращение. Вскоре стали всплывать спорные моменты, касавшиеся того, как Тони руководит персоналом СНБ. Поползли слухи о его некорректном поведении. Утверждение его кандидатуры определенно вызывало беспокойство. Тем не менее я верил, что здравый смысл в конце концов одержит верх.

Но в тот день, гуляя по пешеходной дорожке, Тони сказал мне, что выбывает из борьбы. Он измучился за три дня жестоких публичных слушаний, когда ему пришлось выслушивать самую низкопробную демагогию некоторых членов комитета. Перед слушаниями сенатор Шелби требовал и, в конце концов, добился разрешения администрации просмотреть «теневое» досье ФБР на Лейка. «Теневое» как раз и означает, что это досье содержит любые обвинения, когда-либо выдвинутые против тебя, включая абсолютно необоснованные. Во время публичных слушаний Шелби и несколько его коллег по очереди атаковали кандидата. Сенаторы от демократов называли это «испытанием судом божьим» и формой «умышленного нанесения ран». Даже сенатор от республиканской партии Джон Маккейн предложил Шелби пересмотреть подход, правда, безрезультатно.

Я до сих пор убежден, что в один прекрасный день Шелби надоело бы громить Тони, тогда бы и состоялось, наконец, голосование, но Тони говорил, что слышал, будто Шелби грозит потребовать от ФБР проведения нового расследования и таким образом продолжить свою тактику проволочек. Люди из Агентства национальной безопасности поведали нам, что сотрудники сенатской комиссии Шелби интересовались, не содержится ли информации, которая может скомпроментировать Лейка, в перехватах его переговоров. АНБ резко отклонило эту попытку покопаться в белье, но с Тони уже было достаточно. Хватит — значит, хватит. То, что он сказал потом, оглушило меня еще больше.

«Когда я скажу президенту, что выбываю из борьбы, я собираюсь предложить ему на пост директора ЦРУ тебя», — произнес он.

Разумеется, я исполнял обязанности директора ЦРУ, но перспектива сменить Тони в качестве кандидата на эту должность не посещала меня

даже в самых диких фантазиях. Кроме всего прочего, мне только что стукнуло сорок четыре года и я был мало кому известен, за исключением бюрократических кругов разведывательного сообщества. Это было первым доводом против меня. Вторым доводом было мое здоровье: менее чем четыре года назад я перенес инфаркт.

Не помню, ответил ли я что-либо, но мое лицо должно было отразить охватившее меня изумление. Тони заполнил тишину: «Послушай, ты знаешь ЦРУ, у тебя есть навыки, президент тебя любит, и Сенат тебя утвердит. Назови мне еще кого-нибудь, о ком можно сказать то же самое. Ты полюбишь эту работу», — добавил он.

«Да, но не таким способом», — ответил я.

Мои глаза наполнились слезами, пока я переживал смешанные чувства, охватившие меня, — шок, неопределенность, грусть и тревогу. Я был похож на молодого актера с Бродвея, который только что узнал, что его лучшего друга, шоу-звезду, сбил автобус.

Я думал попробовать отговорить Тони отзывать свою кандидатуру, но было ясно, что решение принято. Тогда я принялся доказывать, что я — неподходящий человек для данной работы. Тони был уверен, что подходящий, и не хотел это обсуждать. «Послушай, — сказал он тоном аристократа Новой Англии, — я позвал тебя сюда не для того, чтобы спросить, что ты думаешь о моих планах. Я попросил тебя прийти, чтобы рассказать, что я собираюсь делать. А я собираюсь отозвать свою кандидатуру и намерен сказать им, что они *должны* представить твою. Вот, собственно, и все». Тони беспокоился из-за того, что «бойцовский инстинкт приведет президента Клинтона к прямой схватке с Шелби на татами». «Он захочет драться до последней капли *моей* крови, — сказал он. — Но это будет ужасно для Управления. Директор нужен ЦРУ сейчас».

Поговорив с полчаса, мы вернулись обратно к тому месту, откуда начали прогулку, и, пожав друг другу руки, разошлись в разные стороны. Вернувшись домой, я уединился в гостиной в цокольном этаже, чтоб обдумать только что полученные сведения, а затем (как и всегда в сложных ситуациях) обратился к жене Стефани за советом. Способен ли я исполнять данную работу? Должен ли попробовать? Что это будет означать для нашей семьи? Наш сын Джон Майкл как раз заканчивал начальную школу — время,

когда мальчику необходимо, чтоб отец был рядом. Исполняя обязанности директора ЦРУ, я достаточно вкусил этой работы, чтоб понимать — она поглотит все мое время. Стефани всегда была моей крепчайшей опорой. За последние два года она полюбила мужчин и женщин из ЦРУ. Гречанка, как и я, она по первому зову готова взять под свое крыло родственные души. Сотрудники ЦРУ и их семьи быстро стали частью ее разросшейся семьи.

«Джордж, ты можешь это сделать, — сказала она мне, — ты должен это сделать, потому что ЦРУ нуждается в тебе. Не волнуйся обо мне и Джоне Майкле; все будет в порядке и с нами, и с тобой».

В середине следующего дня, в понедельник 17 марта, Тони опубликовал язвительное заявление из 1100 слов об отзыве своей кандидатуры. Он сказал, что Вашингтон пошел вразнос, осудил политизацию ЦРУ и выразил надежду на возврат к тем временам, когда «политика преобладала над партийными пристрастиями», а «управление — над сбоями». (Боюсь, спустя почти десятилетие его желание так и не осуществилось.)

В среду утром мне позвонил Джон Подеста, заместитель руководителя аппарата, и сказал, что, похоже, президент предложит меня на должность директора ЦРУ. Как и Тони, Подеста не спрашивал, что я думаю об этой идее. Меня приглашали в Белый дом на встречу с президентом.

В Белом доме меня провели наверх в личные покои президента. Там я увидел президента Клинтона, «Сэнди» Бергера, сменившего Лейка на посту советника по вопросам национальной безопасности, и Подесту. На всем протяжении разговора президент сидел, поскольку незадолго до этого повредил колено, упав в доме гольфиста Грега Норманна во Флориде, и ему едва бы хватило времени на то, чтобы с трудом подняться на ноги. Мы кратко побеседовали, соблюдая необходимые тонкости, и затем — практически еще до того, как я понял, что происходит, — сотрудникам президентского аппарата было отдано распоряжение о доставке моей жены и сына в Белый дом с максимально возможной быстротой. Вскоре был приглашен пул аккредитованных при Белом доме репортеров, чтоб услышать о намерении президента предложить мою кандидатуру. Стоя вместе с женой и сыном перед группой журналистов, я сделал короткое заявление, обозначив неоднозначные чувства, вызванные тем, что мой взлет последовал за паде-

нием человека, которым я глубоко восхищался, — Тони Лейка. Я пообещал президенту приложить все усилия и затем вернулся к работе, которую уже выполнял.

Когда я вспоминаю случившееся, мне кажется странным то, что не было никакого «собеседования». Разумеется, они знали меня, знали, за что я выступаю, но никто не поинтересовался, что я буду делать с разведывательным сообществом, если получу эту должность, какие буду проводить изменения и каким образом намерен укреплять боевой дух в ЦРУ, где за пять лет сменилось четыре директора, не считая двух отозванных кандидатов.

История моего назначения с размахом обыгрывалась таблоидами Нью-Йорка, города, где я вырос. Заголовок одной из газет назвал меня «шпионом, который пришел из Квинса». Предприимчивые репортеры нашли моих старых соседей, которые знали меня большую часть моих сорока четырех лет. Некоторые объясняли, что были удивлены моим выдвижением, поскольку, как заметил один человек, в детстве язык у меня был, как помело, и я не славился умением хранить секреты. Другие говорили, что чувствовали во мне что-то особенное, видя, как я играл в стикбол (разновидность уличной игры в мяч, производной от бейсбола) тридцатью пятью годами ранее (однажды я стал чемпионом 94-й публичной школы по стикболу в парах).

Цитата, которая понравилась мне больше всего, принадлежит моей маме Евангелии Тенет. К тому времени она прожила в США уже сорок пять лет, но объятия греко-американской общины были настолько сильны, что она до сих пор говорит лишь на ломаном английском. «У меня один сын в ЦРУ и один сын — врач-кардиолог. Неплохо, а?» — сказала она *Daily News*. Совсем неплохо, но настоящая история — и не брат, и не я, а наши родители. Невозможно переоценить их влияние. Хотя я неоднократно встречался с президентами, королями, королевами, эмирами и властителями, есть два человека, которыми я до сих пор восхищаюсь больше всего, — мои мать и отец.

Джон Тенет, мой папа, жил сам по себе до того дня, когда его, одиннадцатилетнего, выгнал из дома в Греции жестокий отец. Сначала он отправился во Францию и нашел работу на угольной шахте. Там он быстро понял,

что шахты — не его будущее, и перебрался в Соединенные Штаты, прибыв на Эллис-Айленд как раз накануне Великой депрессии. У него не было ни медяка в кармане, ни друга на горизонте. Он знал только то, что хочет быть хозяином самому себе и заботиться о своей семье, и что в Америке тяжелый труд позволит ему достигнуть того, что невозможно себе даже представить ни в каком другом месте. С одной только этой несокрушимой верой он умудрился сделать то, что делали многие иммигранты-греки: открыл дешевую закусную.

Со временем отец превратился в американца до мозга костей, однако его европейские корни по-прежнему оставались при нем. Его героем был Шарль де Голль. Я отчетливо помню 27 апреля 1960 года, когда папа взял меня и моего брата-близнеца Билла за руки и мы отправились из Квинса на Манхэттен, чтоб посмотреть, как генерал де Голль торжественно проедет по улицам города в открытом лимузине. Я и сегодня как будто слышу, как отец кричит: «Vive la France!», и вижу де Голля, бросившего взгляд в нашем направлении. Я знал тогда, ощущал всем своим существом, что нахожусь в присутствии чего-то великого, но я всегда чувствовал себя подобным образом, когда находился рядом с отцом.

Папа был добрым и честным человеком. У него не было систематического образования, и, тем не менее, он жадно проглатывал газеты, его завораживали события, происходящие в мире. Наш обеденный стол был ареной живых дебатов о политике и новостях бывшей родины и той страны, что стала ему приемным домом. Беседующие свободно переходили с английского на греческий, а когда мама и папа не хотели, чтоб мы с братом поняли, о чем они говорят, они переходили на албанский.

Отец был поразительно похож на Барри Голдуотера — до такой степени, что во время президентской кампании 1964 года его частенько останавливали на железнодорожной платформе Лонг-Айленда и просили автограф. Это многое говорит о том, как изменились времена. Сейчас кажется диким, что жители Нью-Йорка могли хотя бы на миг поверить, что кандидат в президенты стоит один-одинешенек в ожидании поезда из Литтл-Нек во Флэшинг.

Несмотря на то что с тех пор, как отец умер, прошло уже двадцать четыре года, я чувствую эту утрату так, будто это случилось вчера.

Путешествие в Новый Свет стоило отцу большого напряжения, но маршруты, которыми шла мать, были еще более замысловатыми. Она бежала из тех мест, которые сегодня являются Южной Албанией. Двух ее братьев убили коммунисты, а отец, раздавленный этими убийствами, умер от инфаркта. Мама в одиночку как-то ухитрилась добраться до побережья Адриатики и ступить на борт британской подводной лодки после конца Второй мировой войны — как раз когда закрывались границы.

Сначала она поехала в Рим, потом перебралась в Афины и там могла бы провести всю оставшуюся жизнь, если бы не один из ее дядюшек, трудившийся в Нью-Йорке в ресторанном бизнесе. Дядя Ламброс похвастался моему отцу молодой племянницей, которая мало того, что хороша собой, но к тому же недавно спаслась из деревни как раз в тех местах, где родился мой отец. Папу, должно быть, заворожила эта сказка, потому что в 1952 году он отправился в Грецию, две недели поухаживал за мамой и женился на ней. Через неделю она прибыла в Нью-Йорк и присоединилась к нему в небольшом семейном бизнесе — ресторанчике, который он назвал «Закусочной двадцатого века». Она была пекарем, он поваром. Именно там, в Квинсе с его большой греко-американской общиной, она с гордостью растила свою семью.

Расчет, по которому был заключен брак, в их случае сработал очень хорошо. В другую эпоху, имея средства и поддержку семьи, мама могла пойти учиться в колледж и юридическую школу. Она была бы грозой судебных заседаний, так как обладает сверхъестественной способностью «читать» людей — как частных граждан, так и публичных персон. Лжеца она распознает за милю. Если бы я мог взять ее на работу в ЦРУ, мы бы пустили на металлолом все наши детекторы лжи. Она немногословная женщина, но вспыльчивая, заводится с пол-оборота — особенно, когда кто-то пытается осложнить жизнь двум ее мальчикам. Я люблю рассказывать людям, что после общения с моей мамой разбираться с Ясиром Арафатом — просто семечки, и это только наполовину шутка.

Во многом я сын своего отца. Он был очень доверчивым человеком, не склонным отзываться плохо о ком бы то ни было. Хотя отец оставил этот мир в 1983 году, я, будучи директором ЦРУ, много раз обнаруживал, что тоскую, не имея возможности получить его совет по некоторым трудным

вопросам. Когда дела шли туго, брат Билл всегда говорил: «Подумай, что бы сейчас стал делать старик». Отец верил в вовлеченность. Держи друзей близко, а врагов еще ближе. Однако порой мне хочется быть больше похожим на маму, которая твердо убеждена, что постоянные стычки способны приносить очищение. Они были замечательной парой. Каждый день я испытываю благодарность за то, что храбрость и решимость привели их в эту страну.

В то мартовское утро 1997 года я думал об удивительном путешествии моих родителей — путешествии, которое привело меня на эту пешеходную дорожку, к этому поворотному пункту моей жизни.